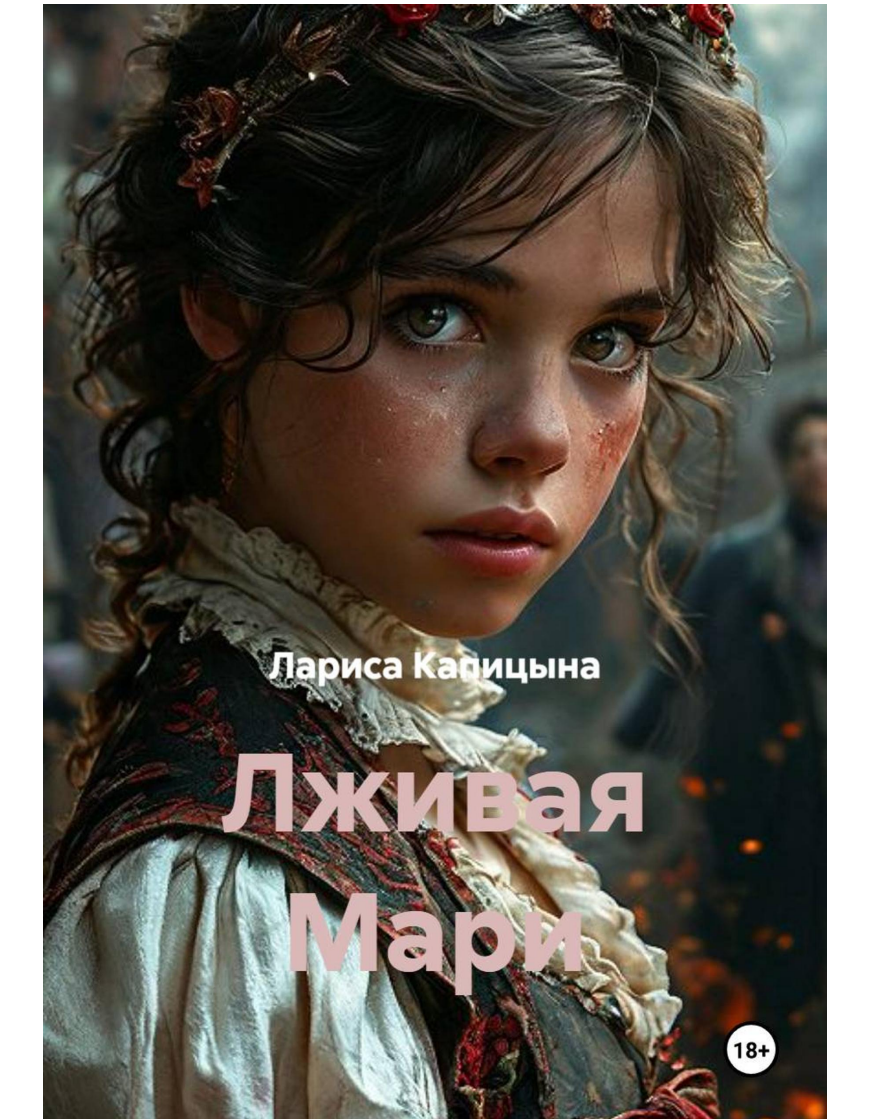

A close-up portrait of a young woman with dark, curly hair and light green eyes. She has a serious expression and a small, bloody wound on her right cheek. She is wearing a white ruffled collar and a dark, patterned garment. The background is dark and blurry, with some orange sparks or embers visible in the lower right corner.

Лариса Капицына

Лживая Мари

18+

Лариса Капицына

Лживая Мари

<https://litres.ru/74064733>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одни люди видят в Мари милую сиротку, претерпевающую бесконечные удары судьбы, другие презирают ее, считая притворщицей и лгуньей. Одних она использует, другим - беспощадно мстит. В душе Мари нет места ни для любви ни для жалости, ведь она ведет войну с самой судьбой. Судьба всемогуща, и от реальности не уйдешь. Но огонь тщеславия и гордыни не погасить, а привычка ежеминутно лгать и верить в собственную ложь помогает добиваться цели. Мари намерена победить во что бы то ни стало, и однажды результат этой войны шокирует весь Париж.

Содержание

Лживая Мари	4
Глава 1.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лариса Капицына

Лживая Мари

Лживая Мари

В субботу в брачную контору "Стрелы Амура" явился лишь один посетитель с явным намерением жениться.

Услышав звук колокольчика у входной двери, изнывающий от скуки владелец конторы мсье Дюпрэ и его помощница переглянулись. Нарядная, как модная картинка, мадам Шайо нехотя отложила дамский журнал и направилась к двери - встречать клиента.

Высокий, элегантный Дюпрэ пригладил напомаженные волосы, поправил щегольски завитые усы, и, распространяя запах фиксатуара, вышел навстречу посетителю и радостно пожал ему руку. Однако бросив на гостя быстрый, оценивающий взгляд, подумал разочарованно: "Неотесанная деревенщина!". В самом деле, мужчина, лет тридцати, с лицом, не лишенным приятности, выглядел по парижским понятиям несколько простовато. Короткий жакет с большими пуговицами, вышедший из моды лет десять назад, светлые брюки, явно нуждающиеся в чистке и короткие черные сапоги, обильно заляпанные грязью, с головой выдавали провинциала. Черные, сильно вьющиеся волосы, не знавшие щетки,

торчали в разные стороны. В руках посетитель держал хлыстик для верховой езды и, мсье Дюпрэ с тревогой подумал, уж не привязал ли он рядом с его шикарной вывеской свою лошадь?

Сам посетитель, видимо, считал, что выглядит в высшей степени элегантно, потому что, посмотревшись в большое зеркало у входной двери, он пригладил рукой непокорные вихры и задорно подмигнул своему отражению.

Окружающая обстановка произвела на посетителя сильное впечатление. Он изумленно разглядывал цветы в вазах, бархатные портьеры, гипсовую скульптуру крылатого Амура с луком и стрелами, покровителя влюбленных, а сильно декольтированная, туго затянутая в корсет мадам Шайо, принявшая у него шляпу и хлыст, заставила его остолбенеть. Он уставился на нее такими голодными глазами, что даже она, привыкшая к нескромным мужским взглядам, смутилась и предпочла удалиться. Проводив ее взглядом, мужчина обернулся к маклеру и восторженно присвистнул.

Дюпрэ сдержано улыбнулся и пригласил его в свой кабинет.

В кабинете, обставленном с уютной роскошью, которая должна была создавать у посетителей ощущение приватности (клиентами Дюпрэ были в основном добропорядочные состоятельные буржуа, люди, несколько зажатые в отношении всего, что касалось интимной стороны жизни) хозяин предложил гостю мягкое удобное кресло, а сам уселся за стол

и раскрыл блокнот для записей.

У посетителя была странная, несколько беспокойная манера держаться. Он как будто не мог ни минуты усидеть на месте, вскакивал, снова садился, хватал со стола дорогие письменные приборы, аккуратно расставленные на столе хозяина, прикидывая вслух, сколько может стоить такая роскошь. Все это сбивало Дюпрэ с толку и мешало начать диалог.

Он откашлялся, чтобы привлечь внимание гостя, и соединив перед лицом пальцы с ухоженными ногтями, любезно осведомился, с кем он имеет дело?

Посетитель представился.

Зовут его Шарль Лафарж. Он дворянин, имеет небольшой, но стабильный доход. В его распоряжении имеется замок в поместье Ле Гландье и литейная мастерская, расположенная на территории заброшенного монастыря. Человек он приличный, склонный к семейной жизни, чувствующий настоящую потребность окружить заботой какое-нибудь нежное одинокое существо.

Эта часть речи, очевидно, была приготовлена заранее, потому что Лафарж произнес ее, наморщив лоб и уставившись на свои грязные сапоги, словно боясь сбиться и перепутать слова. Проговорив речь до конца, он расслабленно выдохнул и улыбнулся, как будто выполнил трудную задачу.

Дюпрэ записал данные в блокнот и обратился к клиенту.

-Ну-с, дорогой мсье Лафарж, чем я могу быть вам поле-

зен?

-Ну, уж, будто вы сами не знаете! - ответил клиент и снова подмигнул собеседнику. - Ясно ведь, для чего я сюда явился!

Дюпрэ понимающе кивнул.

-Видите ли, - заговорил Лафарж, поерзав в кресле, - Я теперь вдовею. Полгода назад умерла моя жена.

Лицо Дюпрэ мгновенно изменилось и приняло сочувствующее выражение.

-Примите мои соболезнования...

-Не стоит,- отмахнулся Лафарж. – По правде говоря, я не сильно горевал, у меня не было на это времени. У меня большое хозяйство и родственников полно, но, главное - мое дело. Я уже сказал вам, что я - владелец литейной мастерской? – всполошился Лафарж, и маклер понял, что литейная мастерская для Лафаржа - предмет особой гордости.

-Да, вы упомянули об этом.

-Так вот, мое дело отнимает кучу времени и требует частых отлучек. Разумеется, мне нужна хозяйка в доме и все такое... В общем, я намерен жениться, и как можно скорее.

-Очень хорошо.

-Чего уж лучше! - весело согласился клиент, еще раз подмигнул маклеру и громко расхохотался.

"Глуп, как бревно." - подумал Дюпрэ и решил, что вряд ли сможет подыскать невесту этому деревенскому олуху среди благовоспитанных парижских девиц.

Скорее из любопытства, чем по необходимости, Дюпрэ

попросил Лафаржа подробнее описать свой идеал: возраст, характер, положение в обществе, цвет волос. Он был уверен, что этот простак изъявит желание вступить в брак с какой-нибудь молоденькой дурочкой с румяными щечками для скорейшего продолжения рода, и приготовился слушать, заранее потешаясь.

Однако Лафарж перестал улыбаться, и его лицо вытянулось от изумления.

-Что за чепуху вы несете? На кой черт мне сдался ее цвет волос и характер?

-О! - Дюпрэ немного смутился от такой грубости, но тотчас сообразил, что это была привычная манера общения деревенского недотепы. - В таком случае, потрудитесь объяснить, чего вы ждете от будущей жены.

-Денег, - просто ответил Лафарж. - Вот все, чего я жду. Остальное меня не интересует. Видите ли, я бы женился без посторонней помощи. В нашей округе полно вдовушек и незамужних девиц, но все они чрезвычайно бедны, а я, говоря откровенно, - тут Лафарж придвинулся поближе к столу, и на Дюпрэ пахнуло резким запахом пота и лукового супа - излюбленного блюда, подаваемого в третьеразрядных гостиницах, - рассчитываю, вступив в новый брак, несколько поправить свои финансы. Литье стали требует больших затрат... - и он принялся подробно объяснять тонкости литейного производства.

Рассеянно слушая о плавильных печах и болванках, Дю-

пре думал о том, что сказал Лафарж. Все, кто прибегал к услугам Дюпрэ, так или иначе, подразумевали денежный вопрос. Никто не намеревался вступить в брак, довольствуясь только красивыми глазами или изысканными манерами. Рекомендую кого-нибудь в пару, маклер тщательно наводил справки об имущественном и финансовом положении кандидата или кандидатки, ведь на кону была его репутация. Дюпрэ в свое время и сам женился "на деньгах". Мадам Дюпрэ была старше него на шесть лет и отличалась к тому же ревнивым и склочным характером, но за ней дали хорошее приданое, которое позволило Дюпрэ открыть собственное дело. Словом, маклер не видел ничего зазорного в том, что взрослый деловой мужчина намерен вступить в брак по расчету, однако его покорила такая вульгарная прямолинейность. Он бы охотно извинил за нее Лафаржа, если бы тот обладал какими-нибудь достоинствами, способными привлечь приличную девушку. Лафарж был молод, чрезвычайно энергичен, по-видимому, отменно здоров, но и только. К очевидным минусам относились скверные манеры, отсутствие образованности, грубоватость и простодушие, за которым явно скрывался недостаток ума.

-Видите ли, - как можно деликатнее сказал мсье Дюпрэ, - парижанки, тем более с капиталом, пусть даже и с небольшим, чрезвычайно амбициозны. Их-то как раз интересует и общественное положение, и характер, и даже, простите, такая ерунда, как воспитание будущего супруга. А вы, при

всем моем уважении, - тут Дюпрэ приложил руку к груди, - не слишком... не слишком...

- Не слишком подхожу, так что ли? Вроде как хочу прыгнуть выше головы? – ничуть не обижевшись, подсказал Лафарж. Мужчины рассмеялись - Лафарж искренне, а мсье Дюпрэ несколько принужденно.

Лафарж задумчиво помолчал, а потом сказал:

-Но ведь есть же какие-нибудь совсем некрасивые, никому не нужные невесты, на которых никто и не смотрит. Уж, наверное, такая имеет не слишком большие запросы? Я мог бы жениться на женщине с каким-нибудь физическим изъяном или пожилой. Неужели во всем Париже не найдется такой дамы с деньгами?

Вдруг уловив в голосе этого жизнерадостного весельчака нотки отчаяния, проницательный маклер понял, что финансы Лафаржа не просто расстроены, а находятся на грани катастрофы, и что выгодный брак – его единственное спасение.

На вопрос Лафаржа Дюпрэ с сожалением развел руками. Наверное, такие невесты есть, но ему о них ничего не известно.

-Жаль, - вздохнул Лафарж, поднимаясь. - Придется, видно, вернуться домой ни с чем. А я, признаться, очень рассчитывал на вас. У меня, сударь, совершенно нет времени на поиски супруги. Я человек занятой. В моем поместье гостит одна девушка, художница, она-то и посоветовала мне обратиться в брачное агентство. Сам бы я нипочем не додумался.

Но, видно, напрасно я терял время. Очень жаль.

-Вы только сведите меня с ней, а уж я ее уговорю. Я мужчина здоровый, молодой, - он снова подмигнул собеседнику. - Живо настрогаю ей кучу ребятишек! Только бы она принесла мне доход.

«Болван, болван!» - подумал про себя Дюпрэ, - И какое дикое понятие о браке! Говорит о женщине, точно о дойной корове или овце, нужной в хозяйстве!»

Протянув клиенту красиво оформленный листок, Дюпрэ ознакомил его с расценками на свои услуги.

-Дороговато вообще-то... - Лафарж почесал затылок.

Маклер заверил, что оплата взимается только, если знакомство закончится браком, но ведь в этом случае любезный мсье Лафарж получит неплохое приданое, и сумма за посредничество вряд ли покажется ему обременительной.

-Ну что ж...- вздохнул Лафарж, - так и быть, согласен. Напишите мне в Ле Гландье, когда условитесь о встрече. Я не могу ждать в Париже. Дела требуют моего присутствия дома.

Мужчины пожали друг другу руки и попрощались.

Мадам Шайо уже ждала посетителя у входа и, фальшиво улыбаясь, подала ему хлыстик и засаленную шляпу, брезгливо держа ее двумя пальчиками. Лафарж снова бесцеремонно обежал ее глазами, задержав взгляд на глубоком декольте, и причмокнув губами, покинул агентство.

Мадам Шайо отодвинула тяжелую бархатную портьеру и, красиво изогнувшись, постояла у окна.

-Какая деревенщина! - презрительно сказала она. – Не понимаю, зачем такие приезжают в Париж. Нельзя спокойно пройти по улице, только и слышишь крики и свист вдогонку.

-Надеюсь, он не приехал верхом? - поинтересовался Дюпрэ, следя за ней глазами. От тонких черно-белых полосок на ее платье у него рябило в глазах, пышный бант пониже спины притягивал взгляд.

-Он пришел пешком, - сообщила мадам Шайо.

-И то, слава Богу. Посмотри, как натоптал своими сапожищами! Запачкал весь ковер. Я бы посоветовал этому мужлану хорошенько помыться, прежде чем искать себе жену, - проворчал маклер, и тут же голос его изменился, стал нежным и воркующим, - Поди сюда!

-Нет, - мадам Шайо посмотрела на него задумчиво. - Она скоро явится. (Имелась в виду мадам Дюпрэ).

-Не явится. Она ушла к сестре. Пока обсудят болячки да перемоют кости всем знакомым... Вернется через час, не раньше. Ну, иди же! - теперь его голос стал более настойчивым, более нетерпеливым.

Мадам Шайо приблизилась к нему, позволила себя поцеловать, однако вдруг совершенно не кстати упрекнула его в скупости

-Ну, что ж... - она деловито разомкнула его руки и стала оправляться, все своим видом показывая, что он может не рассчитывать на продолжение.

Впрочем, так было даже лучше, потому через минуту сно-

ва зазвенел колокольчик - неожиданно вернулась мадам Дюпрэ. Высокая, тощая, с желчным лицом, запыхавшаяся после быстрой ходьбы по улице, она сыпала новостями и одновременно бросала подозрительные взгляды то на Дюпрэ, то на мадам Шайо. Она давно догадывалась, что муж и его секретарша крутят шашни за ее спиной, но ей никак не удавалось застать их врасплох.

Пряча в уголках губ мстительную улыбку, мадам Шайо спросила патрона, может ли она уйти, потому что уже шесть часов, а у нее на сегодня назначено свидание. Стараясь погасить в глазах огоньки ревности, Дюпрэ кивнул и с сожалением проследил, как она уходит, плавно покачивая пышными бедрами. Он увлекся и не заметил, что его взгляд перехватила мадам Дюпрэ и позеленела от злости. Она устроила ему наедине сцену ревности со слезами, пощечинами, пригрозила ему разводом, а затем потребовала клятвенных заверений, что он любит ее и помнит свой долг перед женой и детьми. А маклер, увещевая эту фурию и заливаясь на все лады, думал только о соблазнительных пышных бедрах своей помощницы – главном и единственном достоинстве женщины по мнению Дюпрэ – и о том, что, пожалуй, придется раскошелиться, чтобы наслаждаться этой связью и дальше, иначе его любовница быстро найдет ему замену.

Увидев мужа на коленях и наслушавшись от него клятв и обещаний, мадам Дюпрэ получила истинное наслаждение. Довольно улыбнувшись, она объявила, что стол к ужину бу-

дет накрыт через полчаса и оставила его.

Дюпрэ, у которого окончательно испортилось настроение, привел себя в порядок и вернулся в кабинет.

«Проклятые бабы! – подумал он совершенно в духе своего недавнего клиента. – Точно сговорились и вздумали свести меня с ума!»

Дюпрэ посмотрел в блокнот с записями и вспомнил о Лафарже. Отыскивая в картотеке адрес приемных родителей невесты, он с раздражением думал, что мужчины становятся настоящими ослами, когда решают жениться или завести интрижку. Однако в сдержанном дружелюбном тоне он написал письмо, в котором сообщил мадам Каппель, что нашел для ее дочери достойного человека, который мог бы стать ее избранником. Стараясь преподнести кандидата в наиболее выгодном свете, Дюпрэ описал его, как молодого, очень энергичного человека, у которого, однако, уже имеется некоторый жизненный опыт, а что гораздо ценнее – характер. Он не сломался, пережив даже такую страшную трагедию, как потеря супруги. В письме маклер назвал Лафаржа солидным словом «промышленник». Однако, подумав, что хватил через край, Дюпрэ все же уточнил – дело Лафаржа находится сейчас, так сказать, в самом зачатке. «Тем не менее, пообщавшись с мсье Лафаржем, я пришел к выводу, что со временем этот энергичный молодой человек непременно добьется успеха, именно благодаря своему характеру. Есть у мсье Лафаржа и замок, и поместье, но ему не хватает любящей

преданной подруги, которая воодушевляла бы его на пути к успеху».

Глава 1.

Кандидатура, которую брачный маклер выбрал для Лафаржа, была едва ли не самой неудачной.

Дюпрэ судил о ней по ее матери, Луизе Каппель, которая вначале написала ему, а затем сама явилась в контору. Это была очень добрая, набожная женщина, преклонных лет. Рассказывая о приемной дочери, она время от времени доставала белый кружевной платочек и прикладывала его к голубым, уже немного выцветшим глазам. Мари такая добрая, такая чудесная девушка! И характер у нее славный. Но вот ей уже двадцать три года, а она все еще одинока. Конечно, из гордости, девушка не подает виду, что ее расстраивает такое положение, но ведь она-то чувствует, что дочь одолевает тоска.

-К тому же, - доверительно сообщила мадам Каппель, - все ее подруги по пансиону давно выскочили замуж. Даже самые некрасивые. Ясно почему. За ними дают большое приданное. Но хотя я и мой муж - люди не бедные, мы, разумеется, не можем дать за Мари слишком много. Ведь у нас есть родной сын, которому достанется все наше состояние.

Луиза Каппель относилась к тому типу людей, с которыми Дюпрэ не очень любил работать. Они мало говорили по существу, зато много плакали и постоянно нуждались в утешении.

Мари Каппель представлялась брачному маклеру тихой, невзрачной девицей, готовой выйти замуж за кого угодно. Ее претензии к имуществу будущего супруга он объяснил романтическими глупыми порывами, столь свойственным девушкам ее лет.

В действительности, Мари Фортюни Каппель предъявляла к будущему жениху самые высокие требования, более высокие, чем все соискательницы вместе взятые, чьи адреса и данные хранились в картотеке мсье Дюпрэ.

Пару лет назад Мари Каппель вышла из пансиона для благородных девиц и теперь проживала с приемными родителями в большом, но далеко не роскошном доме на улице Мозар, почти на окраине Парижа.

Каппели считали свой дом весьма удачным приобретением. Просторный, светлый и расположенный на такой красивой улице, хотя и далеко от центра города. Они купили его много лет назад, когда дела у господина Каппеля, владельца небольшой мануфактуры, пошли в гору. Теперь он был состоятельным человеком и мог себе позволить дом и получше, но не видел в этом смысла. Они изредка меняли что-нибудь из мебели или производили ремонт в одной или двух комнатах. Внешняя сторона вопроса ни его, ни тем более его жену не интересовала. Скромность и удобство - вот что было для них самым главным. Это были добропорядочные, скромные обыватели, весьма далекие от понятий об изысканном вкусе и роскоши.

Совсем по-другому смотрела на все их приемная дочь.

Мари считала этот дом убогим и безвкусным и часто просила отца купить другое жилье или изменить обстановку в этом, но он только улыбался в ответ.

-Посмотрите на цвет этих стен, - частенько говорила Мари за обедом, и губы ее презрительно кривились. - Разве приличные люди могут принимать гостей в такой обстановке? А эти кресла, а стол, а посуда?

Она обводила вокруг себя рукой, и глаза ее наполнялись слезами.

-Ну, кажется, Мари снова принялась за свое, - ворчал мсье Каппель - высокий, грузный, еще не старый мужчина, с добрыми, голубыми глазами. - Снова вообразила себя знатной дамой. Видно, придется мне допивать кофе в кабинете.

-Нет, - говорила приемная дочь, поднимаясь из-за стола с достоинством герцогини, которую ведут на эшафот. - Это я уйду. Один вид этого блюда отбивает у меня аппетит. - и она презрительно смотрела на тарелку с говядиной и бобами.

Оставшись наедине с мужем, мадам Каппель всегда заступалась за Мари.

- Напрасно ты говоришь с ней так. - говорила она мужу. - Для нас с тобой, понятно, все равно из каких тарелок есть. А она молода, тянется ко всему красивому. Почему бы не пойти ей навстречу и не прислушаться к ее пожеланиям?

-И не подумаю! - муж срывал с груди салфетку и раздраженно бросал ее на стол. - Ты бы лучше поговорила с ней,

Луиза. Что она о себе возомнила? Откуда такие замашки и такой апломб? Она ведь простая девушка, а не какая-нибудь графиня или баронесса! И, если бы десять лет назад...

-Говори тише! - умоляла жена, опасаясь, что Мари может услышать их разговор.

-Если бы десять лет назад, - полушепотом продолжал хозяин дома, - мы не взяли ее к себе, она прозябала бы в приюте. И не стоило посылать ее в этот пансион. Это слишком дорого мне стоило. Каждый год обошелся в несколько тысяч франков! Разве она сказала мне спасибо или поблагодарила меня? Нет. Она стала только хуже относиться к нам. Теперь ее подругами стали девушки высокого звания, а на нас она смотрит с презрением. Она же нас стыдится! - в голосе у отца звучала неподдельная обида. - Мы столько сделали для нее, а она нас стыдится! Это все ее отец, будь он неладен. Задурил голову девчонке. Пустой и тщеславный был человек, упокой Господь его душу.

Муж и жена старались говорить тихо, чтобы Мари не услышала их, но им было невдомек, что она частенько подслушивает под дверью, и глаза ее при этом гневно сверкают. В такие минуты ей ужасно хотелось обнаружить себя и надавать пощечин Каппелю. Она его терпеть не могла и никогда не считала своим отцом. У нее был только один отец, которого она помнила и любила. И теперь это ничтожество, этот жалкий обыватель поливает его грязью, а ей приходится молчать, и она даже не может заступиться за дорогого ей

человека. И эти люди ждут от нее благодарности!

После обеда мадам Луиза обязательно шла в комнату дочери и тихонько стучалась. Она обожала Мари и искренне переживала, когда та плакала или огорчалась.

Мари открывала дверь и сразу отворачивалась, всем своим видом показывая как глубоко она оскорблена. У нее были величественные манеры и жесты и, говоря откровенно, мадам Каппель немного побаивалась ее. Она стояла в нерешительности в дверях, не зная с чего начать разговор.

-Что вам нужно? - несколько высокомерно спрашивала девушка, не оборачиваясь и глядя в окно. Если бы мадам Каппель была посообразительнее, она бы оскорбилась: так разговаривают с горничными или прислугой. Но мадам Луиза только понимала, что они обидели бедняжку, и что ее муж и в самом деле бывает иногда грубоват.

-Мари! - с нежностью говорила она и брала дочь за руку. - Посмотри на меня, дочка! У меня душа не на месте, как увижу, что ты страдаешь из-за такой ерунды. Чтобы не говорил Каппель, он к тебе очень привязан и совсем не хотел тебя обидеть. Он очень добрый человек.

-Я знаю, мама! - смягчалась Мари и гладила мадам Луизу по руке. - Я не сержусь на него. И ценю все, что он для меня сделал. Я не такая неблагодарная тварь, какой он меня считает. Просто я не выношу такой убогой обстановки. Меня здесь все раздражает. Все такое старое, немодное. Что сказали бы мои подруги, вздумай я пригласить их сюда? Знаете

ли вы, в каком красивом доме живет Луиза де Богарне? А Матильда Шевиньон? Я бывала у них в гостях и знаю, как живут приличные люди. Там все по другому, все! Они живут точно в сказке! И так красиво одеваются, и манеры у них изысканные и речь. У них много слуг и лакеев, и конечно, обстановка вокруг такая...особенная. А когда я возвращаюсь домой, точно мрак надвигается на меня. - и она, уже вполне искренне, рыдала на плече у матери.

Чтобы утешить ее, Мадам Луиза обещала уговорить мужа сменить обстановку, хотя с трудом представляла, как это делает. Каппель не любил лишних трат. Но и Мари этого было мало. В глубине души она понимала, что маленькие уступки со стороны приемных родителей ничего не изменят. Нужно было поменяться им самим. Ведь они такие отсталые, такие несовременные! Если бы был жив ее родной отец, и у него были деньги, пусть даже и не большие, они бы сумели зажить на широкую ногу. Но он умер много лет назад, и теперь не было никого, кто понимал бы ее.

Мари была дочерью военного врача, полковника в отставке Филиппа Фортюни, умершего от пневмонии, когда ей не было и десяти лет. У нее сохранились о нем чисто детские воспоминания, весьма далекие от реальности. Этот слабый, не приспособленный к житейским бурям человек, всю жизнь прожил в ожидании большого наследства от какой-то полувыдуманной дальней родственницы. У него был отличный вкус и чутье на все, что касалось внешней стороны жиз-

ни: хорошие лошади, красивая одежда, мебель, обстановка, изысканная еда и напитки. Он имел обо все этом весьма подробное представление, но не имел к этому доступа, поскольку был очень беден. Фортюни принадлежал к такому у типу людей, которые перед тем как выйти на улицу, по целому часу вертятся перед зеркалом и гордо взирают на свое отражение, стараясь не замечать, что лента у шляпы засалена, и костюм полинявший, а обувь изношена и вот-вот отлетит подметка. Он расчесывал аккуратные нафабранные усики и бородку, приглаживал седые, несколько длинные волосы и отправлялся к своим больным, которые платили ему за визиты сущие гроши. Этих скудных гонораров и небольшой пенсии едва хватало, чтобы свести концы с концами. К тому же он не умел обращаться с деньгами, тратил их неразумно, и самыми неразумными были покупки нарядов и забавных безделушек для дочери.

Человек образованный, Филипп сам занимался воспитанием Мари, учил ее всему, что знал. И она слушала его, жадно впитывая каждое слово.

Где-то в провинции, много лет назад и в самом деле жила сестра его покойного отца, вдова состоятельного человека. И у нее не было никого из родственников, кроме недотепы-племянника. Но он никогда не поддерживал отношений со старухой, даже не писал ей писем. Когда ему говорили, что следует поехать в провинцию и быть при ней неотступно, особенно в ее последний час, он отмахивался. Разве мог

он оставить любимый Париж и прозябать в глуши? Старухе он не писал из страха, что она призовет его к себе. Он только ждал, что однажды его известят о ее смерти и все деньги достанутся ему. Но когда она умерла, его даже не известили, и состоянием завладел какой-то проныра, якобы опекавший ее в последние месяцы. Фортюни этого не знал. И чем больше проходило времени, тем старше в его представлении становилась тетка, тем больше приближалось вожаделенное благосостояние.

-Ничего, детка! - говорил он маленькой Мари, и в голосе звучала глубокая убежденность. - Скоро такой жизни - конец! Ну и заживем же мы с тобой тогда! Вот погоди, когда я получу то, что мне причитается, купим дом в центре и заведем экипаж с красивыми белыми лошадами, каких мы видели у мадам де Тремон, когда гуляли в Булонском лесу. И все будут раскланиваться с нами и оказывать нам почтение, как мы того и заслуживаем. И все двери откроются перед нами, и подруги у тебя будут из самого высшего общества и...

-Никогда этого не будет. - раздавался громкий уверенный голос. Это была его родная сестра, Катарина, старая дева, лет пятидесяти, женщина практичная и простая. Филиппа она очень любила, но не уважала за склонность к фантазиям и выдумкам, за непомерное тщеславие и болезненную гордость. Она никогда не упускала случая спустить его с небес на грешную землю и больше всего негодовала, когда брат морочил голову своей малолетней дочери.

-Довольно тебе сочинять, Филипп. Посмотри, как у нее, - она бесцеремонно указывала пальцем на Мари, - горят глаза. Что ты скажешь ей, когда твои глупые фантазии развеются как дым? Ведь она верит каждому твоему слову. А цена твоим словам - грош. Зачем ты наплел девочке, что ее покойная мать была важной дамой? Я сама слышала, клянусь Богом, как ты рассказывал Мари, что ее принимали в высшем Свете. Почему бы тебе не сказать ей, что она была простой гувернанткой у детей мадам де Тремон?

-Замолчи, замолчи, замолчи! - брат кидался на нее со сжатыми кулаками, но наткнувшись на спокойный уверенный взгляд, останавливался на полпути. -Наглая простолюдинка! В тебе говорит кровь твоего отца-лавочника! Не смей рассуждать о моей покойной жене и говорить о ней гадости! Слышишь? Не то я прогоню тебя из дому!

Потом он бросался к Мари, которая часто присутствовала при этих сценах и слушала открыв рот.

-Мари! Милая моя!- он брал ее за плечи двумя руками и хорошенько встряхивал, так что ее шляпка для прогулки съезжала на затылок. - Не слушай ее, прошу тебя. Ты должна верить мне, понимаешь? - отец заглядывал ей в глаза, и напуганная его волеием, она энергично кивала головой. - У нас будет все, о чем мы мечтаем. Будет! Неужели ты думаешь, что вся жизнь пройдет вот так? - и полковник обводил рукой вокруг себя, и на лице его было отвращение и брезгливость. Обшарпанные стены и скрипучая мебель, и маленькие гряз-

ные окошки, через которые едва пробивается дневной свет - все говорило о крайней бедности. Нет, в это она поверить не могла. И потихоньку начинала ненавидеть тетку, которая своей грубой правдой разрушала благостный мир иллюзий, создаваемый ее отцом. Катарина по-своему любила Мари, и старалась в меру своих сил разрушить пагубное влияние брата. Она сажала Мари напротив, и, глядя в светлые голубые глаза девочки, внушительно говорила:

- Не слушай своего отца, девочка. Он очень хороший и любит тебя, но тебе лучше не слушать его.

Она говорила, что заносчивость и гордость - это очень плохо. Это грех. Бог создал всех равными, и судить о человеке следует не по тому, сколько у него денег и в каком доме он живет, а потому насколько он честен и добр и как строго соблюдает божьи законы. Мари слушала ее и понимала, что она права. Но разве могли ее хоть и правдивые, но такие будничные слова сравниться с речью мсье Филиппа, который так красноречиво описывал будущую жизнь, точно на ходу выдумывал красивую сказку, полную волшебства и красоты? И насчет того, что Бог создал всех равными, Мари тоже сомневалась. Когда в поместье виконта де Леото заболела кухарка, и отца пригласили для консультации, Мари увязалась с ним и увидела как живут люди, к которым Господь относится чуточку лучше, чем ко всем остальным. Само собой в замок их не пустили, зато Мари смогла полюбоваться им издалека. Она была в восторге! Она никогда не видела ничего

прекраснее.

Замок был таким огромным, таким величественным, что у нее захватило дух! Зеленые лужайки, фонтаны, плетеная мебель, вынесенная для завтрака на свежем воздухе, и дети в чудесных светлых костюмчиках резвились на траве. Наверное, это были дети его Светлости. За ними наблюдала гувернантка в униформе. Всеми фибрами своей маленькой, но уже тщеславной души, Мари устремилась туда, к ним. Она хотела стать одним из этих беззаботных существ, к которым уже относились как к маленьким божествам. Их оберегали, их холили, их лелеяли и относились к ним с тем почтением, которого они безусловно заслуживали по праву своего рождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.